

МЕТЕОНИМ *ДОЖДЬ* В ОБРАЗНО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА

Рассматривается отраженный в диалектных текстах концепт *ДОЖДЬ* сквозь призму его образных соответствий, реализующихся различными тропическими средствами; предлагается характеристика образных представлений метеоявления с точки зрения их принадлежности к диалектным и общерусским моделям образотворчества.

Ключевые слова: метеоним, концепт, образное представление, образные средства языка, речевая коммуникация, русские говоры Сибири и Дальнего Востока, традиционная лингвокультура.

Речевая образность метеонима выступает непосредственным постижением сущности явления в наглядных образах. Она служит переводом в речь образов как доязыковых когнитивных структур.

Мышление образами (образными представлениями, эмпирическими образами), выливающееся в сравнение подходящих друг для друга объектов, в создание образной модели «то, что сопоставляется (субъект сопоставления)» – «то, с чем сопоставляется (объект сопоставления)», при речевом овнешнении эксплицируется в синтаксических конструкциях с разной степенью развернутости (ср. *прозрачный, секучий... дождь ... втыкается в землю, пришёл полосой*).

Выведение образов в речь направлено «не столько на то, чтобы передать собеседнику характер образов, имеющих в сознании говорящего..., сколько на то, чтобы усилить образы, сделать их более впечатляющими» [Савченко, 1980. С. 21]. При речевом выражении образа, неизбежно связанном с его анализом, достигается более отчетливое и более содержательное оформление чувственно воспринятой реалии. Кроме того, использованием при его объективации выразительных средств достигается образное обобщение. Следовательно, «в образном... мышлении речь служит не для формирования образов, а для усиления,

углубления их и придания им обобщающего свойства» [Там же. С. 28].

В данной статье рассматривается образный способ выражения концепта *ДОЖДЬ*, характерный для речи диалектоносителей Сибири и Дальнего Востока. Основной акцент при этом делается на образах, созданных из «сочетаний слов, все равно, образных или безобразных» [Виноградов, 1972. С. 20].

Речевые способы уподобления элементов, названные образными (концептуальными) моделями и включенные в парадигму образов [Павлович, 2009. С. 358], при системном описании рассматриваются по их целостности, по субъекту сравнения или отождествляющемуся объекту [Борискина, Кретов, 2003; Купчик, 2006. С. 29, 108–109; Павлович, 2009; Юрина, 2005]. В данном исследовании реализуется установка на целостный подход к изучению образных моделей (ОМ) как билатеральных единиц: план выражения маркируется номинацией объекта сравнения (ср. конкретная натурфактономимная модель «дождь-как-ручей»); план содержания, определяемый формальными границами ОМ, сводится к реконструируемому «плювионимическому» образу субъекта сравнения (ср. ‘о быстро струящемся дожде’). В свете предлагаемой линии развития исследования формулируются следующие задачи:

а) выявить предметные сферы, объекты которых отождествляются с метеоявлением в целях раскрытия его обобщенных наглядно-чувственных образов; б) рассмотреть образные представления о дожде, объективированные в речевой коммуникации диалектоносителей, в рамках общих, инвариантных образов-моделей; в) установить языковые средства, участвующие в речевой реализации образной информации о метеоявлении; г) охарактеризовать речевые образы метеонима с точки зрения их соответствия диалектным и общерусским моделям образотворчества.

Множество образных представлений о дожде, активизируемых диалектоносителями в речи, определяется шириной его аналогий с разнообразными предметами действительности, номинации которых относятся к разным категориальным сферам, таким как живое существо, растение, вещество, неживая природа, питание, сельское хозяйство, строительство, искусство, техника. Для раскрытия эмпирических образов метеоявления *дождь* 'атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды' избираются репрезентирующие его артефактонимные ОМ. Специфика в их построении и систематизации обуславливается характером проявления образов в речи и набором конкретизируемых объектов сравнения.

Речевое воссоздание образа дождя по целостности его бытия

Диалектной вариацией общерусской концептуальной модели «*дождь-как-ткань*» – ср. лит. *холст, марля, полотнище, кисея... дождя* [Павлович, 2009. С. 358] – является картинирование его в виде полосатой ткани (ср. *ткань в полоску* 'ткань с рисунком в полоску', *полосатый* 'имеющий узор в виде полос, полосок', н-сиб. *полосатина* 'домотканый холст с поперечными цветными полосками'), цветовая выделенность на которой являет собой «самый древний и простой способ создания узора» [Словарь античности, 1989. С. 580]. Ср. *Ноне сильный был дождж, туча. Дожджина приурезал полосами* (Том. Том. Верш.). *Дожджичек полосатит там* (Том. Кож. Урт.). За счет использования в речевой коммуникации общерусской метафоры *полоса* 'то, что имеет вытянутую, продолговатую форму' и собственно образного диалектного слова

полосатить 'сильно литься (о дожде)', своей внутренней формой отсылающих к мотивирующей основе *полоса* 'длинная и сравнительно узкая часть ткани, выделяющаяся своим цветом', происходит визуальное освоение струистого ливня как смутной сплошной отдаленной водяной завесы, на которой заметны струи более темной окраски.

Агрономическая интерпретация метеонимического явления в рамках ОМ «*дождь-как-участок возделываемой земли*» актуализирует конкретные целостные образы-модели «дождь-как-полоса», «дождь-как-гряда (грядочка)». Ср. *Бывает, что дождж на одном краю деревни идёт, а в другом его нет. Така туча найдёт. На том краю пройдёт грядой, такой полосой. А на другой стороне и не захватит* (Кем. Юрг. Томил.). *А может где пройдёт грядочкой, а здесь не будет дожджа* (Н-сиб. Чулым. Алекс.). Будучи единицами гиперо-гипонимического блока языка, лексемы *полоса* 'узкий участок пахотной земли...' (< прасл. *polsa) и *гряда* 'узкая полоса вспаханной или вскопанной земли в огороде, цветнике' (< прасл. *gręda), недифференцированно живописуют территорию выпадения дождя и развивают в функции сравнительных наречий переносное значение 'захватив длинное и сравнительно узкое пространство земной поверхности (о дожде и т. п.)'.

Заполнение объектной позиции в модели «*дождь-как-строение*» существительным *стена* 'вертикальная часть строения, служащая для поддержания крыши и перекрытий...' (< прасл. *stěna 'камень, каменная стена') в роли творительного сравнения обуславливает возникновение метафорического значения субстантива '...сплошная масса чего-л., образующая завесу...' (ср. лит. *стена... дождя, тумана*) и тем самым создание обобщенной зрительной картины дождя в виде отвесно падающей сплошной массы воды, которая мешает видеть удаленные предметы. Ср. *Крайне надо в Каменку было. Дождж стеной, а надо. Люша люшей [сильно промокшей] вернулась* (Бурят. Каб. Каб.).

Речевое воссоздание образа дождя по признакам его проявления

Образный фокус в информации об акустическом проявлении дождя, вызванном

ударами его капель по твердым наземным поверхностям, сосредоточивается в глаголе звучания *барабанить* ‘часто и громко стучать / часто и дробно стучать’. Ср. *Дош вчера шибко в окно барабанил* (Том. Том. Верш.). Редко «эксплуатируемый» в речи диалектоносителей, образ «**дождь-как-барабан**» относится к общенародной парадигме образов «**дождь-как-музыкальный инструмент**»: лит. *барабаны, гитара... дождя* и др. [Павлович, 2009. С. 359–360]. Звуковой регистр метеоявления в диалектной системе вполне раскрывается метафорической семантикой глагола, которая поддерживается его прямым значением ‘бить в барабан, или ударами по барабану производить какие-л. звуки’ и в деталях воссоздается через связь со словами *дробь, дробить, дробно, стук, стучать*. В этом семантико-ассоциативном контексте дождь воспринимается как издающий падающими каплями при ударе о твердые предметы прерывистые и резкие, частые и громкие короткие звуки, подобные тем, которые могут порождаться барабаном при ударе по нему.

Система «орудийных» образов метеонима замыкается на тех реалиях, которые с культурно-исторической точки зрения в большинстве своем являются атрибутами Бога грозы, грома и дождя (слав. Перуна ~ балт. Перкунаса) [Мифы..., 1988. С. 304]. Так, в модели «**дождь-как-гибкое орудие**» роль инструментативного компонента, восстанавливаемого в процессе анализа семантической сочетаемости глаголов удара *хлестать* ‘бить, стегать чем-нибудь гибким (плетью, кнутом)’, *сечь* ‘бить, наказывать (розгами, плетью, хлыстом)’, могут выполнять лексемы *бич, розга* (< прасл. *bičь < *biti; *rozga ‘предмет, из которого что-л. плетут, выют’), *плеть* (< др.-рус. *плетати* ‘плести’), *кнут* (< др.-рус. *кнутъ* ‘узловатый бич’), *хлыст*, используемые также при формировании поэтических образов [Павлович, 2009. С. 357]. Анализируемые глаголы, имея в качестве субъектного актанта метеоним, преобразуются соответственно в метафорические словозначения: ‘стремительно, с силой выливаться, литься (о дожде и т. п.)’, ‘с силой бить, хлестать (о дожде и т. п.)’. Ср. *Гроза, дождь стал хлестать. Восподи Бог! Ну, думаем, всю тианицу побьёт, хлеб наш пропадёт* (Якут. Олэк. Сан.). *Вчерасть помочил дождь-то, слава Богу. Дождь прохлестал, земля-то твёрда* (Том. Том. Верш.).

Сежун – дожжж, он сечёт. Это косою дожжж. Бьёт как градом (Кем. Крап. Крап.).

Образ, схематично обрисованный в модели «**дождь-как-молотило** (т. е. **цеп**)», при его речевой экспликации проясняется через семантическую эволюцию лексемы *молотить* (ср. прасл. *moltiti > *moltidlo), исход которой представлен значением ‘стремительно, с силой выливаться, литься (о дожде)’, отображающим функциональное состояние дождя. Ср. *Вот дожжж: туча зашла, да тёплый проливной дожжжик самый который, затуманило-то даже. Если он молотит хорошо, то прямо растения поднимаются* (Кем. Юрг. Вар.). Приводимое значение глагола, утратившего связь с семантическим объектом, является смысловым трансформом субъектно-объектного лексико-семантического варианта ‘ударять, колотить’. В свою очередь, глагол удара метафорически возникает на основе словозначения ‘цепами или с помощью молотилки выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др.’ (глагол удара / удаления объекта) в результате общности у них способа воздействия на объект (ср. дождь молотит по земле так, как молотило бьет по снопу / колосьям зерновых растений).

Супермодель «**дождь-как-питание (для земли)**» в ее объектной части, активизируя семантические подтемы «напиток», «пищевые продукты» на двух ступенях конкретизации, реализуется в виде схем на базовом («дождь-как-напиток / питье») и суббазовом («дождь-как-мука», «дождь-как-пища / еда») уровнях.

Образ дождя в проекции сравнения с напитком (питьем) воссоздается в пропозиции *земля напилась дождём*. Сосредоточенная в ней информация о дожде, продолжительно проливающимся на сухую землю, которая чрезмерно, в большом количестве впитывает в себя воду (ср. перен. *напиться* ‘принять в себя много влаги; обильно увлажниться’), обогащается и усиливается ассоциацией с *напитком*, необходимым для утоления сильного желания *пить* (ср. *напиться* ‘утолить жажду; попить, выпить чего-л. вдоволь’ < *пить*). Ср. ...*a так вот лил и лил, и лил [дождь] до корня. Ага, чтоб земля напилась...* (Кем. Юрг. Зел.).

Восприятие «**дождя-как-пищи для земли**» вызывается корнесловом, центрируемым глаголом *питать* ‘промачивать, насыщать землю влагой, необходимой для

поддержания ее плодородия' (*питать* > *напитать* > *напитаться*; *питать* > амур. *питательный* 'затяжной, хорошо увлажняющий. О дожде'). Ср. *Вот ветренный, ураганный дождж крупный как даст, и сразу ручьи побежали. А мелкий – это постепенный, тихий так, землю питает* (Кем. Яшк. Н. Тайм.). Метафорическая образность глагольного слова обеспечивается ассоциацией с его прямым значением 'давать кому-л. пищу; кормить' (прасл. **pitati* < **pita* 'пища, хлеб'). *Вчера вот дожджик прошёл, землю смочил, напитал её...* (Бурят. Каб. Шерг.). *А еслив, который дожджык идёт тихий, просто моросит... вот это хороший. Утром встанешь, зайдёшь в огород, душа радуется. Всё зелёнько, всё тихонько, и земля напиталась* (Кем. Яшк. С. Остр.). *Вон какой питательный дождь идёт, ежели бы тучный, так тот бы не промочил* (Амур. Магд. Черн.).

Употреблением сравнительного оборота *как мукой* привносится в конкретную характеристику дождя указание на чрезвычайно малый (мельчайший) размер его капель. Ср. *Мелкий дождж как мукой сеет, чуть-чуть, идёт как вроде туман* (Кем. Яшк. Итк.). Модель «*дождь-как-мука*», будучи типизированной в диалектном языке, составляет базу образного словопроизводства: ср. ирк. *мукосей* 'очень мелкий дождь', но амур. *мукосей* 'мелкий обложной дождь' < 'дождь, словно просеивающаяся [через сито] мука' < *сеять* 'очищать что-л. сыпучее от ненужных примесей, пропуская через сито, решето и т. д.' и *мука* 'порошкообразный продукт питания...' а также устар. *порошина* 'мельчайшая частица чего-л.'

Речевое воссоздание образа дождя по смежности с реалией, являющейся источником его образования

Образное впечатление о дожде также происходит из восприятия неба (лит. *облачное, затученное, дождливое... небо*) как источника влаги (лит. *небесный дождь; дождевая вода*), которой орошается земля. Освоение «*затученного неба / небесных туч-как-вместилища влаги*» происходит по аналогии с предметами хозяйственной утвари, бытующими в общенародном употреблении с давних времен (прасл. **bъська*, **vedro*, др.-рус. *ковшъ*, собств.-рус. *ушат*). Из выражений о дожде, в которых перечис-

ленные номинации используются в сравнении, складывается понимание дожденосных туч как резервуаров, сходных друг с другом характером излияния воды. Этой особенностью они определяют в сознании картину обильно, сплошной массой льющегося дождя. Ср. конкретные ОМ, означенные разными номинациями объекта сравнения: «*туча-как-бочка*» – *Ну, дождь сегодня, прорвало как из бочки* (Ирк. Ольх.); «*туча-как-ведро*» – *Весенний дождж бывает весной. Он пройдёт, ведром прольёт, и тут высохнет* (Кем. Юрг. В.-Тайм.). *Раньше маленька тучечка найдёт, и дождж льёт как из ведра и тёплый* (Кем. Яшк. Кул.); «*туча-как-ушат*» – *Дождь как из ушата льёт, улёвен* (Красн. Кеж.); «*туча-как-ковш*» – *Бывало, дождж как из ковша, а мы хлеб жали и суслончик ставили, и просыхали [снопы]* (Кем. Крап. Бор.).

Своеобразие других «плювионимических» образов обусловливается отождествлением дождевого неба, туч с ситом (прасл. **si-to* < **sēti* 'сеять'), через отверстия которого падает дождь, словно просыпается мука (*ситная / ый... мука, хлеб; мучное сито*). На фоне смежного образа «*туча-как-сито*» формируется образное представление о *ситном дожде* 'мельчайшем частом дожде, словно муке, мучной пыли'. Ср. *Вот сёдни дождж сеет и сеет как через сито* (Кем. Крап. Кам.). *Мелкий дождж идёт как сквозь сито* (Кем. Яшк. Полом.). Ср. кем., чит. *ситник* 'мелкий дождь' < *ситный дождь* 'дождь, как бы [просеянный] через сито' < *сито* 'предмет для процеживания, просеивания – обруч с натянутой на него очень частой мелкой сеткой'.

С видением «*тучи-как-решета*» рождается убеждение, что дождь падает с неба в виде *решётной* муки < *решето* '...утварь в виде деревянного обода, на который натянута сетка, служащая гл. образом для просеивания муки' (ср. *мучное решето*) < прасл. **rěš-eto* < **rěxъ* < **rědxъ* < **rěďъ* 'редкий', в связи с чем в образе дождя выделяются очень мелкие редкие капли. Ср. *Дождж не дождж, а так, как сквозь решета ну бусит и бусит* (Кем. Юрг. Зел.).

Модель «*грозовая туча-как-жёрнов*» воссоздается опосредованно при опоре на первоначальное значение глагола *молоть* 'дробить, размельчать зерно, превращая его в муку, крупу, порошок' (*жернова мелят хлеб* < прасл. **melti* < и.-е. **mel-* 'размель-

чать, молотъ'), который сочетается с метеонимом *дождь* в метафорическом значении 'идти, падать мелкими каплями (о дожде)'. Ср. *А в гнойной погоде мелкий бывает дождык, как в сито мелет, мелет – это сеногноитель* (Кем. Юрг. Вар.). Происхождение метеонимической дистрибуции объясняется тем, что на метеоним, обозначающий выпадение дождя в виде мелких частиц, напоминающих смолотый хлеб, распространяется по метонимическому принципу сочетаемость орудийного наименования тучи (ср. «дождь-как-жёрнов»), которая является источником появления дождя.

Рассмотрение образных представлений как доязыковых когнитивных структур возможно лишь путем реконструкции на основе результатов их речевой трансляции (ср., например, дождь-как-мука), а также системного закрепления в языке (ср. ирк. *мукосей* 'очень мелкий дождь').

Наглядно-чувственное осмысление дождя, отобразенное в речевых произведениях, осуществляется с помощью разнокодовых воплощений, которые, будучи организованными в семантические ряды (ср. дождь-как-полоса / гряда и др.) и пучки «дождь-как-стена», «дождь-как-полоса», «дождь-как-молотило» и т. д., составляют, по мнению Д. С. Раевского, «движущие силы и механизм существования и осуществления» концептного моделирования (цит. по: [Маковский, 1996. С. 15]).

Образы дождя, воспроизведенные в речевых артефактонимных моделях его интерпретации, выстраиваются в рамках деятельности сельского жителя и по подобию вовлеченных в нее действий и объектов, связанных с земледелием, различными (бондарным, ткаческим, мукомольным и др.) промыслами, домашним бытом и отчасти внешним миром. Для их оформления используются такие выразительные средства, как языковые метафоры (*барабанить*, *хлестать* и др.), собственно образные слова (*полосатить*, *питательный*), сравнительные обороты (*как мукой*, *как из ведра*), творительный сравнения (*стеной*) и сравнительные наречия (*полосой*). Диалектный арсенал артефактонимных моделей, закрепляя в себе общерусскую образную картину мира, специфичен в том смысле, что расширяет конкретные ОМ регионально маркированными или значимыми средствами ее вы-

ражения (ср. нар. *грядочкой*, *полосатая ткань*, *ушат*, *мука*).

При создании конкретных ОМ в качестве номинаций объекта сравнения употребляются разнообразные лексемы, которые складываются в ситуационный ряд по единому содержательному параметру (ср. дождь-как-полоса / гряда; дождевое небо-как-бочка / ведро/ ковш/ ушат), несмотря на то, что в языке они имеют иерархическую организацию. Это является показателем древности ОМ [Там же. С. 14], созданных мышлением архаического человека, в том числе мифопоэтическим [Лукьянова, 2003]. Множественность номинаций для одного субъекта сравнения и одновременность их обновления в знаковой репрезентации ОМ свидетельствуют об их унифицированности при плюралистическом видении действительности и репродуцирующем упрочении.

Список литературы

Борискина О. О., Кретов А. А. Теория языковой категоризации: Моногр. Воронеж, 2003.

Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972.

Купчик Е. В. Картина образного мира Александра Городничского: Моногр. Тюмень: Мандр и К°, 2006.

Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2003. № 3–4. С. 169–186.

Маковский М. М. Язык – миф – культура. М.: Рус. словари, 1996.

Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 2.

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII–XX веков. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. Т. 1–2.

Савченко А. Н. Речь и образное мышление // Вопр. языкознания. 1980. № 2. С. 1–32.

Юрина Е. А. Образный строй языка: Моногр. Томск: Изд-во ТГУ, 2005.

Список словарей

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996.

Словарь античности / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Прогресс, 1989.

Список сокращений

Амур. – Амурская обл., Магд. – Магдагачинский р-н: Черн. – Черняево; Бурят. – Бурятия, Каб. – Кабанский р-н: Каб. – Кабанск, Шерг. – Шергино; Ирк. – Иркутская обл., Ольх. – Ольхонский район; Кем. – Кемеровская обл., Крап. – Крапивинский р-н: Бор. – Борисово, Кам. – Каменка, Крап. – Крапивино; Юрг. – Юргинский р-н: Вар. – Варюхино, В.-Тайм. – Верх-Тайменка, Зел. – Зелеево, Томил. – Томилово, Яшк. – Яш-

кинский р-н: Итк. – Иткара, Кул. – Кулаково, Н.Тайм. – Нижняя Тайменка, Пол. – Поломошное, С. Остр. – Сосновый Острог; Красн. – Красноярский кр., Кеж. – Кежемский р-н; Н-сиб. – Новосибирская обл., Чулым. – Чулымский р-н: Алекс. – Алексеевка; Том. – Томская обл., Кож. – Кожевниковский р-н: Урт. – Уртам, Том. – Томский р-н: Верш. – Вершинино; Якут. – Якутия, Олэк. – Олэкминский р-н: Сан. – Саныхта.

Материал поступил в редакцию 29.03.2012

V. P. Vasilyev

THE METEONYM *RAIN* IN THE EXPRESSIVE SPEECH SYSTEM OF A DIALECTAL LANGUAGE

The article runs about concept rain in the dialectal texts, its figurative correlations, expressed by different tropes. The author characterizes the unaginary perception of the meteo-phenomenon from the point of view of its belonging to the dialectal and general Russian models of the image creation.

Keywords: metonym, concept, imaginary perception, tropes, speech communication, the Far East and Siberia Russian dialects, the traditional lingua-culture.